

А.Ф. МИДДЕНДОРФ — УЧЕНЫЙ, ПУТЕШЕСТВЕННИК

Александр Иванович ПЕТРОВ,
кандидат исторических наук

В этом году исполнилось 190 лет со дня рождения великого русского путешественника и ученого, академика Александра Федоровича Миддендорфа. Отмечается и другая знаменательная дата, неразрывно связанная с его именем, 160-летие со дня окончания возглавлявшейся им Сибирской научной экспедиции. Достижения и открытия этого ученого многообразны, а их влияние на дальнейшее развитие российской науки велико.

А.Ф. Миддендорф родился 6 августа 1815 г. в Санкт-Петербурге в семье профессионального педагога, ставшего впоследствии директором Главного педагогического института¹. С детства Саше прививалась тяга к знаниям и осознанная любовь к природе. Познавательные прогулки по лесу с изучением флоры и фауны в семье Миддендорфов были неотъемлемым атрибутом воспитательного процесса. Когда мальчику исполнилось 10 лет, отец подарил ему настоящую охотничью ружье, преподнесенное как символ силы разума человека. Безграничная любовь сына к отцу выразилась, в частности, в том, что первая печатная работа А.Ф. Миддендорфа предварялась следующими словами: «Любимому отцу, глубокочтимому наставнику и близкому другу».

Страсть к путешествиям проявилась в Миддендорфе в самом раннем возрасте. В свободное время он мог целыми днями пропадать в лесу, изучая растения и наблюдая за жизнью его обитателей. Любая возможность путешествовать воспринималась им с восторгом. Когда, например, готовилась экспедиция в Армению во главе с Парротом-младшим (сыном ректора Дерптского университета) для изучения свежих следов извержения Арарата, юноша уговорил отца отпустить его в путешествие. Но в итоге комиссия все же не зачислила Александра в состав экспедиции «за малолетством». Позже Миддендорф вспоминал: «Тогда я с одинаковой охотой поехал бы во внутренность Африки и к Ледовитому морю»².

По окончании гимназии, которую возглавлял его отец, Александр Миддендорф поступил на подготовительное отделение педагогического института. Тяга к естествознанию, однако, в 1832 г. приводит его на медицинский факультет Дерптского университета. Дерпт (с 1893 г. — Юрьев, а с 1919 г. — Тарту) славился своим университетом, учрежденным в 1802 г. на базе Академии Густавиана, действовавшей в 1632—1665 и 1690—1710 гг. Особенно сильными были кафедры по естественным наукам, что и привлекло молодого Миддендорфа. По-видимому, отец Александра был хорошо знаком с ректором Дерптского университета Георгом Парротом, что не могло не повлиять на выбор места учебы юноши.

В университете студент Миддендорф увлекся зоологией, ботаникой и другими естественными науками, а также картографией. Его вдохновляли такие ученые алмаатер, как К. Ледебур, а также А. Бунге и К. Мейер, которые в 1826 г. объехали Рудный Алтай, где собрали 1 600 видов растений, в том

числе 400 новых. Их труды по праву считаются одними из первых научных описаний алтайской природы.

В 1837 г. А.Ф. Миддендорф окончил Дерптский университет со степенью доктора медицины. О том, что его страсть к путешествиям нисколько не угасла, свидетельствовал эпиграф на титульном листе диссертации: «Тому, кто хочет видеть свет, чуждый цивилизации, я советовал бы запастись докторской шляпой, как самым надежным колпаком для путешествия»³. Это слова известного поэта и естествоиспытателя Шамиссо. После Дерпта Миддендорф два года провел в университетах Берлина, Бреславля, Вены и Гейдельберга, где углублял свои научные знания в области зоологии, ботаники, геологии, антропологии, этнографии и других наук.

По возвращении в 1839 г. на родину Миддендорф получил назначение в Киевский университет адъюнктом по кафедре зоологии. Однако он не ограничился чтением лекций по общей зоологии и зоологии беспозвоночных. Одним из первых в России он стал читать курс лекций по этнографии. Но мысли о путешествиях не оставляли молодого ученого, и уже в первые летние каникулы он в составе экспедиции К.М. Бэра отправился к берегам Новой Земли. Когда погодные условия сорвали планы путешественников и экспедиция вынуждена была возвратиться, Миддендорф обратился к Бэру с просьбой разрешить ему в одиночку пересечь Кольский полуостров.

Получив такое разрешение, он осуществил свое намерение, взяв при этом себе в помощники двух местных жителей. За 22 дня похода путешественник собрал 138 видов или более одной трети всего состава орнитофауны полуострова, известной ученым вплоть до наших дней. И это не говоря о собранных Миддендорфом насекомых, образцах минералов, горных пород и т.д. Большую ценность представляли также наблюдения путешественника. Все собранные материалы он привел в идеальный порядок и подверг их тщательному анализу, кроме того, им были исправлены неточности на тогдашних картах полуострова. Сообщения о результатах путешествия были опубликованы в «Материалах к познанию Российского государства», также вышла в свет подробная карта с объяснениями. Н.И. Леонов считал, что Кольское путешествие предопределило судьбу молодого человека: «Именно тогда Бэр, организатор многих экспедиций, поверил в Миддендорфа, вернее, увидел, на что способен талантливый молодой исследователь»⁴.

Это было время, когда Императорская Академия наук, запланировав экспедицию в Сибирь, по выражению Бэра, «долго и тщетно искала человека, который с основательным ученым образованием соединял бы надлежащее самоотвержение и способности, чтобы подвизаться на столь трудном предприятии». Проблемы при подборе руководителя экспедиции определялись и тем, что разрешение задач, поставленных перед нею, требовало по крайней мере три года. Но осенью 1840 г. такой человек был, наконец, найден. Им стал А.Ф. Миддендорф. Правда, Бэру пришлось приложить некоторые усилия, чтобы Академия наук поверила как в готовность молодого ученого «принять сие поручение, так и в то, что он и по своим познаниям, и по навыку к телесным напряжениям и решимости характера не оставляет ничего лучшего желать»⁵.

Вскоре началась тщательная подготовка Миддендорфа к путешествию по Сибири. Это был уже далеко не восторженный юноша, но ученый муж, долги часы засиживавшийся в архивах, музеях и библиотеках, изучая все, что только было написано о Сибири, включая материалы второй Камчатской экспедиции, и т.д. Наконец 14 ноября 1842 г. Сибирская научная экспедиция А.Ф. Миддендорфа началась. В ее состав вошли лесничий Тор Брандт, датчанин по национальности, в качестве слуги и препаратора — эстонец М. Фурман. Путь отважной тройки лежал из Петербурга в Москву, а затем — на Владимир, Нижний Новгород, Казань, Пермь, Екатеринбург, Шадринск, Ишим, Омск,

Томск, Ачинск, Красноярск. Санная дорога была не из легких, и путники проезжали в день всего от 60 до 300 км. Новый 1843 год они встретили в Омске.

Миддендорф и в путешествии, и после него часто вспоминал своих предшественников-первопроходцев дебрей Сибири и Приамурья, к которым он относился с глубочайшим уважением. Все трудно-сти, ими испытанные, он ощутил на себе и знал, что говорил. Особенно тяжелы были переходы по Таймыру. Вот выдержка из одного донесения Академии наук о путешествии за август 1843 г.: «Миддендорф, изнуренный крайними усилиями последних дней и постигнутый жестокою болезнью, не чувствовал уже более в силах следовать за своими товарищами. Поделившись с ними остатками сухого бульона, который он хранил на всякий случай, он должен был к величайшему своему сожалению убить верную

А. Ф. Миддендорф.

охотничью собаку.. Мясо было разделено на пять долей, и, снабдив четырех своих спутников этой провизией, г. Миддендорф приказал им отыскать в пустыне самоедов и привести их, буде возможно, к нему на помощь. Сам он остался один без приюта, среди уже наступившей арктической зимы на 75° широты, подверженный всем суровостям непогоды. Он пробыл в этом положении 18 дней — событие беспрецедентное в летописях путешествий. К счастью, он нашел себе некоторую защиту за сугробами снега, нанесенного ветром, а в последние дни, когда в равнине свирепствовал жестокий ураган, оставался совершенно погребенным в снегу — и этому-то обстоятельству он, вероятно, обязан своим сохранением. Видя, наконец, что никто не идет к нему на помощь, он подумал, что его спутники погибли. С помощью нескольких кусков дерева, близости найденных, он успел развести небольшой огонь, едва достаточный, чтобы растопить немного снега. Прилив туда несколько капель спирта (из сосуда, в котором у него хранился какой-то естественный предмет!), он поддерживал себя этим напитком до того, что мог наконец заснуть после многих бессонных ночей. Пробудившись, он устроил небольшие санки и, сделав себе из части своей шубы обувь, пустился в дорогу в надежде достигнуть... места, где была сложена прежде провизия. Прошел еще недалеко... завидел вдали три чернеющих точки...»⁶ Это были его верный спутник В. Ваганов и два ненца.

Сибирская экспедиция Миддендорфа включала в себя три маршрута: Таймырский, Якутский и Охотско-Приамурский. Таймырская тундра была пересечена путешественниками в арктических широтах с запада — юго-запада на восток — северо-восток от р. Пясины до р. Хатанги, т.е. всего около 1 000 км. В меридиональном направлении маршрут протяженностью 400 км прошел от пос. Филипповского до Таймыра. Таймырский этап закончился 14 января 1844 г. в Красноярске.

Отдых был коротким. Вскоре начался якутский этап путешествия. Уже 18 февраля 1844 г. экспедиция прибыла в Якутск. Здесь Миддендорф привлек к своим геотермическим и метеорологическим исследованиям местных краеведов — учителя Давыдова и купца Неверова. Он с увлечением также работал в городском архиве, записывал якутский фольклор, изучал язык якутского народа.

Из Якутска в начале апреля 1844 г. отряд, в который были привлечены четыре якута (два проводника и два казака), отправился в Амгинскую слободу. Так начался третий этап экспедиции — Охотско-Приамурский, — значение которого трудно переоценить. Миддендорф прошел вдоль южных склонов Станового хребта по маршруту: р. Тугур (в китайской исторической литературе —

Тухулэхэ), Немилен или Нимелен (Нимэйлянхэ, Имилэхэ, Эмилэхэ), Керби (Галэбихэ, Гэлэбихэ), перевал через Бурейские горы, вниз по Бурее до устья р. Ниман, затем вверх по Ниману и его притоку Кебели, далее водоразделом Бурей и Селемджи, вершинами горных речек, впадающих в последнюю, водоразделом Селемджи и Зеи, Зейским краем до устья Гилюя, вверх по этой реке и водоразделом между ней и р. Олдоем, наконец, долиной Амура от устья Уричи к Усть-Стрелочному посту. Всего на этот переход экспедицией было затрачено четыре зимние месяца, в течение которых были собраны данные, «...не только имевшие исключительно важное значение для географии Амура, но и заслуживавшие внимание... с общегосударственной точки зрения»⁷.

5 марта 1845 г. экспедиция возвратилась в Петербург. Путешествие, продолжавшееся 841 день, завершилось. Миддендорф вернулся в столицу, по выражению неперемного секретаря Академии наук П.Н. Фуса, «в ореоле славы». Вскоре после возвращения в Петербург началась трудоемкая работа по обобщению собранных материалов, написанию отчетов и т.д. К ней были привлечены лучшие силы Академии и специалисты из других учреждений. Результаты работы экспедиции вылились в четыре тома труда «Reise in den aussersten Norden und Osten Sibiriens in den Jahren 1843—1844», изданного в 1847—1875 гг. Последний том, включавший в себя и историю путешествия, почти одновременно с немецким изданием был также опубликован и на русском языке. Для публикации атласов, составленных по итогам Сибирской экспедиции, у академии не нашлось денег. Когда ее руководство доложило об этом императору, тот, узнав, что необходимо для публикации этого труда, причем самого лучшего по тем временам, дал необходимую на издание сумму. Кстати сказать, это было далеко не единственное пожертвование императора Николая I на нужды науки. В этой связи нельзя не обратить внимания на то, что некоторые авторы продолжают описывать отношение этого монарха к российской науке и культуре в незаслуженно очернительных тонах.

По возвращении экспедиции в честь Миддендорфа и других ее участников в Петербурге постоянно устраивались собрания, заседания, обеды... На одном из таких собраний ученые пришли к мысли о необходимости учреждения Русского Географического общества, которое и было основано в августе 1845 г. Уже в следующем году этнографы избрали Миддендорфа помощником управляющего Отделением этнографии названного общества, которым с момента образования ИРГО являлся К.М. Бэр.

Со 2 августа 1845 г. Миддендорф был назначен адъюнктом отделения физико-математических наук по кафедре зоологии Академии наук. Дальнейший карьерный рост ученого был стремителен: 2 марта 1850 г., после опубликования первых работ по итогам Сибирской экспедиции, он был избран экстраординарным, а 1 мая 1852 г. — ординарным академиком. С 7 апреля 1855 г. по 4 октября 1857 г. он являлся неперемным секретарем Академии наук. С этого года вследствие расстроенного Сибирской экспедицией здоровья Миддендорф был вынужден поселиться в своем имении в Лифляндии. Однако старался по мере сил быть в гуще событий научной жизни. Так, в 1859—1860 гг. он являлся президентом Императорского вольного экономического общества, но опять же по болезни был вынужден отказаться от этой должности. В 1865 г. А.Ф. Миддендорф перестал быть действительным членом, став почетным членом Академии наук. К последним путешествиям Миддендорфа относятся следующие: в 1867 г. он сопровождал по России великого князя Алексея Александровича, в 1869 г. — великого князя Владимира Александровича и в 1870 г. опять же Алексея Александровича в путешествии по Белому морю и на Новую Землю. При этом в последнем путешествии им были произведены важные наблюдения за течением Гольфстрим к востоку от Нордкапа. К сожалению, болезнь постепенно полностью лишила ученого возможности самостоятельно передвигаться. Последние

десять лет жизни Миддендорф тяжело болел и жил в Эстонии в своем имении Хелленурме под Ригой, где и умер 16 января 1894 г.

Если два первых этапа путешествия Сибирской экспедиции А.Ф. Миддендорфа как одного из основателей таких наук, как мерзлотоведение, зоогеография и т.д., больше привлекают внимание представителей естественных наук, то результаты третьего этапа не обойдены вниманием историков и востоковедов. Более или менее общая оценка итогов работы миддендорфской экспедиции дана в «Истории Дальнего Востока СССР», изданной под редакцией академика А.И. Крушанова: «Районом работ экспедиции были малоизученный п-ов Таймыр, Якутия и Приамурский край, ее участники прошли нехоженными тропами более 30 тыс. км. А.Ф. Миддендорф представил Академии наук не только карты пройденного пути, но и большой труд с точными данными о реках, горах, населенных пунктах, со сведениями по геологии и климату, зоологии и ботанике, этнографии народов Приамурья. Экспедиция А.Ф. Миддендорфа, с одной стороны, завершила изучение Севера Сибири и Дальнего Востока в период российского феодализма, с другой — положила начало научному изучению Юга Дальнего Востока»⁸.

Что касается Охотско-Приамурского этапа Сибирской экспедиции, то авторы фундаментального труда по истории Маньчжурии, также написанного под редакцией Крушанова, связывая учреждение экспедиции с началом первой опиумной войны в Китае, пишут: «Осложнение международной обстановки на Дальнем Востоке побуждало правительство России активизировать свою политику в амурском вопросе: на Дальний Восток были направлены исследовательские экспедиции А.Ф. Миддендорфа (1844—1845) и Н.Х. Ахте (1848—1850), которые установили, что Приамурье является полупустынным краем, частично заселенным народностями, состоящими в российском подданстве, что восточнее Горбицы русско-китайской границы не существует, а оседание российских эвенков отмечено уже по течению р. Буреи. Таким образом, обстановка, сложившаяся в середине XIX в. на Дальнем Востоке, вынуждала Россию вновь выдвинуть вопрос о пограничном разграничении земель по Амуру»⁹.

Китайские историки интерпретируют этот факт в традиционном со времени появления книг Хуа Циюня и других авторов духе: «эти коварные русские». Так, в объемном труде под редакцией профессора Тун Дуна «Царская Россия и Северо-Восток» отмечается: «После того, как царь Николай I в 1825 г. вступил на трон, посланные поочередно «экспедиции», возглавляемые Миддендорфом, Гавриловым, Ахте и Невельским, которые вторгались в пределы Амура, собирали информацию, устраивали укрепленные пункты, проводя подготовительную работу для крупномасштабной агрессии в районе Амура»¹⁰.

В этой связи приведем мнение третьей, наиболее беспристрастной, стороны. Вот что пишет по поводу Сибирской экспедиции американский историк Дж. Стефан: «В течение того же года, когда был подписан Нанкинский договор (между Китаем и Англией 29 августа 1842 г. — А.П.), в Санкт-Петербурге был создан специальный комитет для того, чтобы переоценить позицию России на Дальнем Востоке. Он пришел к согласию, что неразграниченные участки нуждаются в прояснении, хотя министр иностранных дел граф Карл Нессельроде не хотел никаких территориальных расширений за счет Китая и настаивал на принятии всех мер предосторожности, чтобы не подвергать опасности отношения с Пекином. Вести исследования дальневосточного участка границы выпало на долю профессора Александра фон Миддендорфа, который изучал вечную мерзлоту в Якутске под патронажем Императорской Академии наук. Проинструктированный исследовать Охотское побережье в районе Шантарских островов фон Миддендорф по своей инициативе послал рекогносцировочную партию за Становой хребет к Амуру, установив поведенческие образцы, которые стали эмблематическими для амурцев. Фон Миддендорф расстроил Нессельроде, но

возбудил любопытство морского ведомства найти судоходный канал из Амура в Охотское и Японское моря»¹¹.

Следует обратить внимание еще на одно немаловажное обстоятельство, связанное с Сибирской экспедицией. 11-й параграф академического устава, принятого еще в 1803 г., гласил: «Усовершенствование географии и физического описания империи должно стать одним из главных предметов внимания Академии», которая обязывалась направлять астрономов и натуралистов в те местности, «коих географическое положение и естественные произведения недовольно еще описаны»¹². На эту задачу, поставленную государством перед академией, обратил внимание К.М. Бэр, в 1834 г. избранный в ее состав. Все это доказывает, что Сибирская экспедиция планировалась как исключительно научное мероприятие Академии наук. Тот факт, что к Таймырскому и Якутскому этапам экспедиции добавился еще и Охотско-Приамурский маршрут, следует назвать исторической обусловленностью событий, которые происходят только потому, что должны произойти. Это счастливое совпадение нужд государства и неумной жажды деятельности исследователя на благо своего Отечества. Миддендорф с честью выполнил поручение, данное ему правительством. Его пыл исследователя передался последователям, оказавшимся достойными своего предшественника. Исследования на Дальнем Востоке продолжил Г.И. Невельской...

Миддендорф был первым исследователем вечной мерзлоты и явлений, связанных с нею, он первым собрал сведения о природных условиях Таймырского полуострова и Приамурского края, открыл хребты Бырранга и Буреинский, впервые нанес на карту пространство, лежащее к югу от Станового хребта. Результаты его орографических, климатических и этнографических исследований сохраняли свою актуальность вплоть до начала XX столетия. Являясь наиболее значительным мероприятием Академии наук в первую половину XIX в. по изучению России, Сибирская экспедиция по охвату территории и обилию новых данных сравнима лишь с академическими экспедициями 1768—1774 гг.

Александр Федорович Миддендорф был ученым-тружеником, посвятившим свою жизнь служению науке и отдавшим ей свою энергию, талант и всего себя.

¹ В статье об А.Ф. Миддендорфе в энциклопедии «Брокгауза и Ефрона» отмечается, что его отец был лифляндским помещиком.

² Леонов Н.И. Александр Федорович Миддендорф. М.: Наука, 1967. С. 9.

³ Там же. С. 10—11.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Там же. С. 16—17. (курсив Н. Леонова).

⁶ Там же. С. 20—21.

⁷ Описание Амурской области. (С картой). Составлено Г.Е. Грум-Гржимайло под редакцией П.П. Семенова. СПб.: Типо-литография и переплетная С.М. Николаева, 1894. С. 43.

⁸ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г.). М.: Наука, 1991. С. 185.

⁹ История Северо-Восточного Китая XVII—XX вв. Книга первая. Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII — начало XX в.). Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1987. С. 218—219.

¹⁰ Ша Э юй Дун-Бэй (Царская Россия и Северо-Восток). Чанчунь: Цзилинь вэньши чубаньшэ, 1985. С. 112. Кит. яз.

¹¹ Stephan J.J. The Russian Far East / F History. Stanford: Stanford University Press, 1994. P. 43.

¹² Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII—XX веках: Ист. очерки. СПб.: «Наука», 2003. С. 215.

SUMMARY: The article by Candidate of Historical Sciences Alexandr Petrov is devoted to a distinguished scientist and explorer — Aleksandr Fedorovich Middendorff. He was the leader of Siberian Scientific expedition on Kola Peninsula. And this is not a complete list of his achievements. He was the author of numerous works. A.F. Middendorff's heritage into science causes a great impression.